

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ КАК РЕСУРСНАЯ ОСНОВА ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.9-16

Аннотация. Центральное место в предупреждении делинквентности играют представления о совокупности факторов, которые ведут к преступному поведению, и воздействие на эти факторы в рамках деятельности соответствующих государственных институтов. В статье приводится аналитический обзор сформулированных западными исследователями теорий, связанных с детерминантами преступного поведения. Обзорное исследование охватывает основные интерпретации преступного поведения, начиная от классических концепций социальной дезорганизации и аномии, и заканчивая теориями криминальных возможностей и неомарксистскими концепциями преступности. Кроме того, в статье выделяется специфика предупреждения преступности, которая следует из представленных в обзоре теорий.

Ключевые слова: делинквентность, социологические теории преступности, детерминанты преступности, профилактика преступного поведения.

Преступность является одной из значимых социальных проблем современности. В деле ее предупреждения важную роль играет знание о детерминантах преступного поведения, которые рассматривались социологами, девиантологами и криминалистами. Целью данной статьи является обзор основных теорий девиантного поведения, разработанных западными исследователями.

Теория дезорганизации, которая сформировалась в рамках Чикагской школы (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс и др.) является одной из первых эмпирически подтвержденных теорий делинквентного поведения. Термин «социальная дезорганизация» был введен У. Томасом и Ф. Знанецким. Под социальной дезорганизацией они понимали «уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы», подчеркивая, при этом, что «на основе социальной организации или дезорганизации невозможно сделать вывод относительно организации или дезорганизации индивидуальной или наоборот» [1, с.135–136]. Использование данного подхода в исследованиях преступного поведения показало наличие взаимосвязи между социальной дезорганизацией и уровнем преступности: как отмечает А.Л. Салагаев, была установлена зависимость уровня делинквентности от типа

района и его связь другими социальными проблемами: безработицей, низким достатком и низким уровнем образования, самоубийствами, проституцией и т.д. [2, с. 33].

С точки зрения профилактики преступности, теория социальной дезорганизации ориентирует государственные институты на решение основных социально-экономических проблем населения и акцентирует внимание на необходимости особого внимания к маргинальным слоям населения, которые вносят определенный вклад в общий уровень преступности.

Теория дифференциальных связей Э. Сатерленда рассматривает не столько причины преступности, сколько причины, по которым индивиды становятся преступниками. Основным тезисом предложенной Сатерлендом теории является положение о том, что преступному поведению люди обучаются в процессе коммуникации с другими людьми, имеющими криминальный опыт, причем основная и главная часть «криминального обучения» происходит в небольших группах индивидов, близко связанных друг с другом. При этом, процесс обучения криминальному поведению за счет ассоциирования с криминальными паттернами (техника совершения преступлений, усвоение мотивов и готовности нарушать закон, презрение к леги-

тимному поведению, рационализация делинквентного поведения и пр.) включает в себя все механизмы, которые используются при любом другом виде обучения [3, р. 75–76].

В последующем теория Сатерленда была дополнена концепцией дифференциальной ассоциации, которая связывает вовлечение индивида в преступное поведение не столько с общением с делинквентами, сколько с возникающей самоидентификацией с преступными кругами / группами: «индивид участвует в преступном поведении в той мере, в какой он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми людьми, которые считают преступное поведение допустимым» [4, р.440]. Р. Берджесс и Р. Айкерс дополнили теорию дифференциальных ассоциаций понятием дифференциального усиления. По мнению Айкерса и Берджесса, дифференциальное усиление возникает в тех условиях, когда определенный тип поведения приносит более существенную и более частую награду, чем альтернативные виды поведения. Поэтому в тех условиях, когда преступная деятельность является более «выгодной», чем законопослушное поведение, возрастает вероятность того, что индивиды встанут на преступный путь [5].

Из теории дифференциальных связей и дополнений к ней следует, что профилактика преступности должна быть нацелена на криминальные паттерны поведения, в частности, она должна противодействовать романтизации представителей преступного мира и эстетизации криминального образа жизни, а также делать преступления невыгодными во всех отношениях.

Группа аномических теорий базируется на классической концепции аномии (общее состояние дезорганизации), предложенной Э. Дюркгеймом для объяснения самоубийств [6]. Первым концепцию аномии для объяснения преступного поведения предложил использовать Р. Мертон, который указал на то, что источником преступности является аномия или социальное напряжение, вызванное противоречием между сферой устремлений (цели, намерения и интересы) и невозможности достичь указанных устремлений с помощью приемлемых способов: «отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения» [7, с. 301]. В дальнейшем это состояние было названо Альбертом Козмом «фрустрацией статуса» [8].

Американские исследователи Р. Кловард и Л. Олин, взяв за основу аномическую теорию преступности Мертона, дополнили ее понятием «нелегитимных возможностей». Авторы справедливо указали на то, что не все индивиды, столкнувшись с ситуацией социальной напряженности вследствие невозможности достичь одобряемых социумом целей законными средствами, прибегают к преступ-

ным средствам. По их мнению, вовлечение в противоправное поведение происходит только в тех случаях, когда указанные индивиды имеют нелегитимные возможности для обретения того, что в обществе принято считать мериллом успеха [9].

По мнению Т. Парсонса, несмотря на то, что тезис Мертона о несоответствии декларируемых обществом целей и имеющихся у индивидов возможностей как причине преступного поведения верен, нельзя упускать из виду и такой фактор, как несоответствие ожиданиям. В данном случае, источником социального напряжения является невыполнение ожиданий и последующая отчужденная реакция фрустрированного индивида, направленная на социальные нормы или других людей [10, р. 257, 259].

Завершая обзор аномических теорий, рассмотрим общую теорию напряжения Р. Агню. Агню выделяет три идеальных типа напряжений: 1) неудачи в достижении позитивно оцениваемых целей, 2) потеря позитивно оцениваемого стимула и 3) противостояние негативным стимулам. Указанные напряжения увеличивают вероятность возникновения у индивидов негативных эмоций, которые толкают их к ответным шагам, в т.ч. преступному поведению (например, возникновение злости, сопровождающейся обвинением других, возбуждает у индивидов жажду мести / «желание поквитаться», причем агрессия в подобных случаях воспринимается ее инициаторами как «оправданная»). Таким образом, в рамках указанной теории каждый тип напряжения либо выступает в качестве предрасположенности к преступному поведению, либо функционирует в качестве ситуационного события, которое провоцирует конкретное преступление. При этом, Агню подчеркивает, что напряжение не является автоматической детерминантой преступности, поскольку индивиды могут использовать когнитивные, поведенческие и эмоциональные стратегии адаптации для их преодоления (например, не придавать значения своим неудачам, заниматься самоуспокоением и т.д.) [11]. В своей более поздней работе Агню отмечал, что большая вероятность того, что наличие напряжений станет причиной преступного поведения, имеет место тогда, когда напряжения рассматриваются в качестве несправедливости, воспринимаются как значительные, коррелируют с низким уровнем социального контроля и создают давление для вовлечения в стратегии преступной адаптации [12].

Аномические теории, таким образом, сводят предупреждение преступности к действиям, направленным на ограничение чрезмерных устремлений и завышенных ожиданий, с одной стороны, и предоставлению законных возможностей по достижению своих целей с другой стороны.

Многочисленная группа теорий социального контроля основной причиной вовлечения индивидов в преступное по-

ведение считает слабость социального контроля, который должен обеспечивать соответствие индивидов нормам поведения, в т.ч. установленным законодательно. Теоретики социального контроля высказывали различные предположения о первопричинах человеческих девиаций. В частности, в теориях социального контроля И. Ная и Т. Хирши предполагается, что корень отклоняющегося поведения лежит в самом человеческом естестве, точнее, в том, что можно назвать «животными инстинктами». Например, Най писал, что «нет нужды объяснять поведение, называемое делинквентным или преступным, никакими положительными мотивами» [13, р. 5], а Хирши уточнял, что теории социального контроля хоть и не рассматривают индивида как аморальное существо, но, тем не менее, «предполагают различия в морали: для одних нравственные соображения являются важными, а для других – нет» [14, р.11]. По мнению другого теоретика социального контроля – У. Реклесса, в качестве первопричин преступного поведения выступают индивидуальные и социальные уязвимости (например, фрустрация, тяжелое экономическое положение и т. д.) [15, р. 15–32]. При этом, барьером между вовлечением в преступное поведение и конформизмом является социальный контроль в различных его вариациях.

Исходя из вышесказанного, для снижения уровня преступности авторы указанных теорий предлагают использовать меры по усилению социального контроля. В частности, Най писал о необходимости внутреннего контроля (воспитание и социализация), непосредственного контроля (угроза санкций), опосредованного (косвенного) контроля (самоидентификация с положительными примерами) и легитимного удовлетворения собственных потребностей [13, р. 5–9]. По мнению Хирши, для предотвращения делинквентного поведения необходимо укреплять социальную связь / привязанность индивида к обществу, поскольку слабость последнего отличает делинквентов от законопослушных индивидов [14, р.16–34].

Теория рутинной деятельности Л. Козна и М. Фельсона рассматривает не столько причины преступности, сколько отвечает на вопрос «При каких условиях совершение преступлений является более вероятным?». Основной тезис теории рутинной деятельности сформулирован ее авторами следующим образом: «структурные изменения в рутинной деятельности могут влиять на уровень преступности посредством схождения в одной точке места и времени трех минимальных элементов преступного посягательства прямого контакта: 1) преступников с мотивом, 2) подходящих целей, и 3) отсутствия дееспособных защитников от правонарушения». Соответственно, авторы данной теории делают вывод, что для снижения уровня преступности критически важную роль играет контроль, поскольку можно с высокой долей вероятности говорить о наличии в обществе стабиль-

ного количества мотивированных преступников и подходящих целей. Снижение уровня контроля, по мнению Козна и Фельсона, будет означать вероятное увеличение числа преступных посягательств [16, р. 589]. Кроме того, следствием этой теории является то, что цели профилактики преступности будет способствовать ликвидация вышеупомянутого «треугольника преступления»: «преступник» – «жертва» – «возможность» путем воздействия на те или иные его элементы, в частности, ликвидацию «возможностей».

С теорией рутинной деятельности тесно переплетается группа теорий криминальных возможностей, которые являются дальнейшим развитием главного тезиса теории Козна и Фельсона и рассматривают различные особенности выбора преступниками объекта для своих посягательств. Так, например, теория образа жизни (lifestyle-routine activities theory) утверждает, что социо-демографические факторы, такие, как возраст, пол, брачный статус, принадлежность к тому или иному классу, расовой или этнической группе, оказывает влияние на жизненные стили людей, их повседневные практики связанные с работой, отдыхом и т.д. Различия в жизненных стилях, в свою очередь, обуславливают различные вероятности пересечения с опасными личностями, нахождения в опасных местах и пр., и тем самым влияют на вероятность виктимизации индивидов [17].

Теория преступных паттернов указывает на то, что преступники ищут своих жертв на привычных маршрутах, которыми они пользуются во время своих повседневных передвижений из т.н. «узловых пунктов», к которым относятся места проживания, торговые центры, места учебы, развлекательные заведения и т.д. При этом, преступники чувствуют себя физически, психологически и символически ограниченными рамками привычных для себя мест [18]. В свою очередь, отдельные «узловые пункты» могут быть аттракторами преступлений или и их генераторами. Аттракторы преступлений – это места, куда преступники стекаются для нарушения закона и участия в противоправных деяниях (районы красных фонарей, питейные заведения пр.). Генераторы преступлений – это места, в которых люди собираются не для преступной деятельности (торговые центры, кинотеатры, рестораны и пр.), и преступники не посещают их специально для совершения преступлений, однако при возникновении удобного случая они, не задумываясь, воспользуются им и совершат преступное деяние [19].

Упомянем еще одну теорию из рассматриваемой группы – многоуровневую теорию возможностей, которая частично использует наработки теории социальной дезорганизации. Согласно многоуровневой теории возможностей, преступление является продуктом «пересечения» мотивированного правонарушителя с криминогенным социальным или физическим пространством (в т.ч. дезорганизованными общностями), причем поиск преступником

жертвы происходит на нескольких уровнях (для преступника важны как индивидуальные характеристики потенциальной жертвы, так и имеющиеся характеристики окружающего пространства) [20].

В целом же, теории криминальных возможностей схожаются в том, что для профилактики преступности усилия должны быть направлены на ограничение соответствующих возможностей с особым прицелом на повышении общей безопасности городских пространств, хотя, например, в многоуровневой теории возможностей больший акцент делается на воздействие как на индивидуальном, так и контекстуальном уровнях.

Криминологическая теория рационального выбора была разработана Д. Корнишем и Р. Кларком в качестве рамочного методологического инструмента, ориентированного на практико-ориентированные исследования. Данная теория исходит из того, что преступники желают получить определенную пользу от преступного деяния, поэтому они принимают решения и делают выбор, которые характеризуются рациональностью, хотя и ограниченной нехваткой времени и недостатком релевантной информации. По мнению Корниша и Кларка, несмотря на то, что на первый взгляд нет рациональности в преступлениях, причиной которых стали патологические мотивы или импульсивные порывы, в них все же присутствует определенное рациональное зерно, выявление которого является задачей деятельности по противодействию преступности. Криминологическая теория рационального выбора рассматривает каждый тип преступной деятельности по отдельности, поскольку исходит из того, что ситуационный контекст принятия решения и обработка информации имеют свою специфику, которая различна для каждого типа преступлений [21, р. 1–2].

Еще одним тезисом теории рационального выбора является то, что следует различать вовлечение в преступную деятельность и преступные акты. Вовлечение в преступную деятельность – это процесс, в рамках которого индивид принимает решение принять участие в определенном преступлении с намерением вовлечения в девиантную карьеру. Принятие решения в данном случае определяется множеством различных факторов, которые носят индивидуальный характер в каждом отдельном случае. Подобное решение принимается, как правило, в течение длительного периода времени и при принятии решения учитывается самая разнообразная информация, даже не связанная с преступлениями. Что касается принятия решения о совершении преступного акта, то в данном случае речь идет об оценке специфической, связанной с конкретным преступлением информации (анализ ситуации, условий и т.д.) и зачастую в данном случае решение принимается существенно быстрее [21, р. 2].

Двумя важными следствиями данной теории, которые имеют значение в контексте профилактики преступности, являются значимость 1) ситуационного контекста и 2) побудительных мотивов (награды или наказания) [21, р. 6] – воздействуя на них можно оказывать предупреждающее воздействие на уровень преступности.

Частным случаем ситуационного контекста являются городские пространства. Согласно теории нулевой терпимости, которая зачастую именуется теорией разбитых окон, терпимость к мелким правонарушениям является, в конечном счете, причиной усиления преступности в целом (в т.ч. тяжких преступлений). Авторы данной теории – Джеймс Уилсон и Джордж Келлинг – используют для иллюстрации этого тезиса метафору окна: «если разбитое окно в здании не поменять, то вскоре будут разбиты и оставшиеся окна в здании... окно, разбитое и не отремонтированное, является сигналом того, что всем наплевать и оставшиеся окна можно бить безбоязненно». Развивая свой тезис, авторы пишут о том, что с подобных мелких проступков начинает постепенно рушиться общественный контроль, усиливается равнодушие к более серьезным правонарушениям, растет число преступлений и страх перед преступностью среди населения. Поэтому, делают вывод авторы теории, необходимостью становится проведение политики полной нетерпимости к любым правонарушениям [22, р. 30–31].

Общая теория преступности Роберта Агню, которая является частичной переработкой положений общей теории напряжения, отвечая на вопрос о причинах преступности синтезирует разработки различных концепций делинквентности. В отличие от остальных попыток построения интегративных теорий, Агню начал с выделения ряда переменных, которые имеют достоверную корреляцию с преступным или отклоняющимся поведением. Рассмотрев почти три десятка подобных переменных, он, в итоге, объединил их в пять кластеров жизненных сфер: человеческая самость (факторы социализации, уровня самоконтроля), семья (плохие отношения с родителями, неполные семьи / проблемные браки), друзья (наличие преступников среди сверстников), школа (проблемы в школе, низкий уровень образования) и работа (безработица, неудовлетворенность своей трудовой занятостью) [23, р. 59].

Наряду с кластерами жизненных сфер, ключевую роль в теории Агню играют понятия ограничений и мотивации. Ограничения – это факторы, которые предотвращают преступное поведение индивидов. Среди них Агню выделяет внешний контроль (санкции за совершение преступлений), внутренний контроль (морально-нравственные нормы) и т.н. «долю в соответствии нормам» (инвестиции в свое будущее посредством принятия доминирующих норм, установления связей с соблюдающими нормы

гражданами, вовлеченность в соответствующую деятельность). Мотивация, наоборот, подталкивает индивидов к противоправному поведению. Речь, в данном случае, идет о различных ситуациях напряженности и вынужденности, которые толкают людей на совершение преступлений, поощрениях со стороны авторитетных лиц, иллюзиях дозволенности тех или иных деяний или выгоды отклоняющегося / делинквентного поведения [23, р. 18–30]. Базовым предположением общей теории преступности Агню является то, что «преступное поведение тем более вероятно, чем слабее ограничения против преступлений и сильнее мотивация к их совершению» [23, р. 11]. Ограничения и мотивация являются основными механизмами, посредством которых внешние и внутренние факторы в рамках жизненных сфер ведут к преступности, при этом те же самые факторы могут и сами по себе оказывать частичное влияние на преступное поведение [23, р. 33]. Рецепт предотвращения преступного поведения, по мнению Агню, следующий: необходимо решать проблемы с детерминантами преступности на уровне указанных жизненных сфер посредством программ по профилактике и реабилитации [23, р. 202].

В завершении обзора скажем несколько слов о группе неомарксистских теорий преступности. Так, например, неомарксистская теория девиации, предложенная С. Спитзером, подчеркивает, что статус девианта является производным от социо-политического конфликта между классами в капиталистическом обществе, которое занимается производством девиаций, т. е. определяет группы населения, которые представляют «угрозу», проблематизирует их существование и реализует меры по решению «проблемы» [24, р. 640–641]. По мнению другого теоретика неомарксистской криминологии, Р. Куинни, законодательная система в капиталистическом обществе полностью подчинена интересам правящего класса, и она используется в качестве орудия подавления в классовой борьбе. Куинни считает, что правящая элита использует теории преступности для того, чтобы манипулировать и контролировать тех, кто представляет собой опасность для режима. При этом, в рамках капиталистической гегемонии, «карающий меч правосудия» ориентирован, прежде всего, на низшие классы, тогда как преступные деяния высших слоев общества зачастую игнорируются или замалчиваются [25].

Тезис о невозможности рассмотрения преступности вне категорий политико-властных отношений в капитали-

стическом обществе, является, таким образом, ключевой идеей неомарксистского подхода. Тем не менее, ошибочным было бы полагать, что сторонники указанного подхода вообще не принимали во внимание каких-либо иных факторов преступного поведения. Например, М. Линч и У.Б. Гровс предприняли оригинальную попытку совместить марксистскую интерпретацию преступности с теориями социального контроля и социальной дезорганизации, указывая на то, что классовое неравенство является причиной дезорганизующих и ослабляющих социальный контроль факторов, которые, в свою очередь, сказываются на росте преступного поведения [26]. В качестве другого примера можно привести работу Б.А. Симс, которая указывала на то, что в основе причин преступного поведения, которые выделяются в аномических теориях, лежат структурные и экономические неравенства капиталистической системы. Как пишет Симс, «такие ценности, как достижения, индивидуализм, универсализм и фетишизация денег ... являются производными от капиталистического способа производства. Его участники ... делают чрезмерный акцент на материальном, что зачастую ведет к жадности... Экономические и структурные неравенства, возникающие в социальном пространстве, могут вызвать ситуацию аномии» [27, р.11].

Главным следствием неомарксистских теорий применительно к профилактике преступности является необходимость формирования более сбалансированной и справедливой системы уголовного преследования, которая позволила бы эффективно расследовать преступления, совершаемые политической и экономической элитами. Максимальная реализация принципа неотвратимости наказания за любые преступления, в свою очередь, рассматривается как фактор, который будет способствовать снижению общего уровня преступности (в т.ч. за счет повышения уважения к законам и большей уверенности в справедливости системы).

Таким образом, теоретические интерпретации детерминант преступного поведения показывают, что для эффективной профилактики делинквентности государственные институты должны осуществлять максимально широкий спектр регулирующего воздействия в различных сферах социума, начиная от усиления роли социального контроля и выравнивания экономического дисбаланса, и заканчивая проектированием более безопасных городских пространств и противодействием эстетизации преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Томас У. Понятие социальной дезорганизации / У. Томас, Ф. Знанецкий // Контексты современности-II: хрестоматия / Сост. и ред. С.А.Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 134–138.
2. Салагаев А.А. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий / А.А. Салагаев. – Казань: Экоцентр, 1997.
3. Sutherland E. Criminology / E. Sutherland, D.R. Cressey – Philadelphia, Lippincott, 1974.
4. Glaser D. Criminality theories and behavioral images / D. Glaser // American Journal of Sociology. – 1956. – Vol. 61. – P. 433–444.
5. Burgess R.L. A Differential Association-Reinforcement Theory of Criminal Behavior / R.L. Burgess, R.L. Akers // Social Problems. – 1966. – Vol.14. – №2. – P. 128–147.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994.
7. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Пер. Е.А.Самарской; под ред. М.Н. Грецкого. – М.: Прогресс, 1966.
8. Cohen A. Delinquent Boys: The Culture of the Gang / A. Cohen. – New York: Free Press, 1955.
9. Cloward R. Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs / R. Cloward, L. Ohlin. – Glencoe, Il.: Free Press, 1960.
10. Parsons T. The social system / T. Parsons. – Glencoe, Il.: Free Press, 1951.
11. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency / R. Agnew // Criminology. – 1992. – Vol. 30. – №1. – P. 47–87.
12. Agnew R Building on the Foundation of General Strain Theory: Specifying the Types of Strain Most Likely to Lead to Crime and Delinquency / R. Agnew // Journal of research in Crime and Delinquency. – 2001. – Vol. 38. – №4. – P. 319–361.
13. Nye I. Family Relationships and Delinquent Behavior / I. Nye. – New York: Wiley, 1958.
14. Hirschi T. Causes of Delinquency / T. Hirschi. – Berkely, CA: University Press, 1969.
15. Reckless W. The Crime Problem / W. Reckless. – New York: Appleton Century-Crofts, 1955.
16. Cohen L.E. Social change and crime rate trends: a routine activities approach / L.E. Cohen, M. Felson // American sociological review. – 1979. – Vol. 44. – №4. – P. 588–608.
17. Hindelang M. J. Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization / M.J. Hindelang, M.R. Gottfredson, J. Garofalo. – Cambridge, MA: Ballinger, 1978.
18. Brantingham P. L. Nodes, paths, and edge considerations on the complexity of crime and the physical environment/ P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // Journal of Environmental Psychology. – 1993. – №13. – P. 3–28.
19. Brantingham P. L. Criminality of place: Crime generators and crime attractors / P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // European Journal on Criminal Policy and Research. – 1995. – №3. – P. 5–26.
20. Wilcox P. Criminal circumstance: A dynamic, multi-contextual criminal opportunity theory / P. Wilcox, K.C. Land, S.A. Hunt. – Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
21. Cornish D. Introduction / D. Cornish, R. Clarke // The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending / D. Cornish, R. Clarke (Eds.). – New York: Springer, 1986. – P. 1–16.
22. Wilson J.Q. Broken windows: The Police and Neighborhood Safety / J.Q. Wilson, G.L. Kelling // Atlantic Monthly. – 1982. – №249(3). – P. 29–38.
23. Agnew R. Why do criminals offend? A general theory of crime and delinquency / R. Agnew. – Los Angeles, CA: Roxbury, 2005.
24. Spitzer S. Toward a Marxian Theory of Deviance / S. Spitzer // Social Problems. – 1975. – Vol. 22. – №5. – P. 638–651.
25. Quinney R. Critique of the Legal Order: Crime Control in Capitalist Society / R. Quinney. – London: Transaction Publishers, 2002.
26. Lynch M. J. A primer in radical criminology / M.J. Lynch, W.B. Groves. – New York: Harrow and Heston, 1986.
27. Sims B.A. Crime, punishment and the american dream: Toward a Marxist integration / B.A. Sims // Journal of research in crime and delinquency. – 1997. – Vol.34. – №1. – P. 5–24.

Информация об авторе

Галиева Светлана Ибрагимовна, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Институт управления инновациями, кафедра инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента.

E-mail: minnisagali@rambler.ru

Galieva S.I.

THEORETICAL INTERPRETATION OF CRIME DETERMINANTS AS A RESOURCE BASE FOR PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOUR

Abstract. The central place in delinquency prevention is occupied by the ideas about set of factors leading to delinquent behaviour and addressing these factors within the activities of corresponding state institutions. The article provides analytic review of theories related to crime determinants which were developed by the Western researchers. The review research covers main interpretations of delinquent behaviour from classic notions of social disorganization and anomie to crime opportunity theories and NeoMarxist concepts of crime. Moreover, the article emphasizes the peculiarities of crime prevention stemming from the theories presented in the review.

Keywords: delinquency, sociological theories of crime, crime determinants, prevention of delinquent behaviour.

Literature

1. Thomas W.I. Concept of Social Disorganization / W.I. Thomas, F. Znaniecki // *Contexts of Modernity-II: anthology* / S.A. Erofeev (comp. and ed.). – Kazan: Kazan University Press, 2001. – P. 134–138.
2. Salagaev A.L. Youth law violations and delinquent communities through the prism of American sociological theories / A.L. Salagaev. – Kazan: Ekotsentr, 1997.
3. Sutherland E. *Criminology* / E. Sutherland, D.R. Cressey – Philadelphia, Lippincott, 1974.
4. Glaser D. Criminality theories and behavioral images / D. Glaser // *American Journal of Sociology*. – 1956. – Vol. 61. – P. 433–444.
5. Burgess R.L. A Differential Association-Reinforcement Theory of Criminal Behavior / R.L. Burgess, R.L. Akers // *Social Problems*. – 1966. – Vol. 14. – №2. – P. 128–147.
6. Durkheim E. *Suicide: A Study in Sociology* / E. Durkheim; short trans.; V.A. Bazarov (ed.). – Moscow: Mysl, 1994.
7. Merton R. *Social Structure and Anomie* / R. Merton // *Sociology of Crime (Contemporary Bourgeois Theories)* / E.A. Samarskaya (trans.); M.N. Gretskiy (ed.). – Moscow: Progress, 1966.
8. Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang* / A. Cohen. – New York: Free Press, 1955.
9. Cloward R. *Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs* / R. Cloward, L. Ohlin. – Glencoe, Il.: Free Press, 1960.
10. Parsons T. *The social system* / T. Parsons. – Glencoe, Il.: Free Press, 1951.
11. Agnew R. *Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency* / R. Agnew // *Criminology*. – 1992. – Vol. 30. – №1. – P. 47–87.
12. Agnew R. *Building on the Foundation of General Strain Theory: Specifying the Types of Strain Most Likely to Lead to Crime and Delinquency* / R. Agnew // *Journal of research in Crime and Delinquency*. – 2001. – Vol. 38. – №4. – P. 319–361.
13. Nye I. *Family Relationships and Delinquent Behavior* / I. Nye. – New York: Wiley, 1958.
14. Hirschi T. *Causes of Delinquency* / T. Hirschi. – Berkely, CA: University Press, 1969.
15. Reckless W. *The Crime Problem* / W. Reckless. – New York: Appleton Century-Crofts, 1955.
16. Cohen L.E. *Social change and crime rate trends: a routine activities approach* / L.E. Cohen M. Felson // *American sociological review*. – 1979. – Vol. 44. – №4. – P. 588–608.
17. Hindelang M. J. *Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization* / M.J. Hindelang, M.R. Gottfredson, J. Garofalo. – Cambridge MA: Ballinger, 1978.
18. Brantingham P. L. *Nodes, paths, and edge considerations on the complexity of crime and the physical environment* / P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // *Journal of Environmental Psychology*. – 1993. – №13. – P. 3–28.
19. Brantingham P. L. *Criminality of place: Crime generators and crime attractors* / P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // *European Journal on Criminal Policy and Research*. – 1995. – №3. – P. 5–26.

20. Wilcox P. Criminal circumstance: A dynamic, multi-contextual criminal opportunity theory / P. Wilcox, K.C. Land, S.A. Hunt. – Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
21. Cornish D. Introduction / D. Cornish, R. Clarke // The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending / D. Cornish, R. Clarke (Eds.). – New York: Springer, 1986. – P. 1–16.
22. Wilson J.Q. Broken windows: The Police and Neighborhood Safety / J.Q. Wilson, G.L. Kelling // Atlantic Monthly. – 1982. – №249(3). – P. 29–38.
23. Agnew R. Why do criminals offend? A general theory of crime and delinquency / R. Agnew. – Los Angeles, CA: Roxbury, 2005.
24. Spitzer S. Toward a Marxian Theory of Deviance / S. Spitzer // Social Problems. – 1975. – Vol. 22. – №5. – P. 638–651.
25. Quinney R. Critique of the Legal Order: Crime Control in Capitalist Society / R. Quinney. – London: Transaction Publishers, 2002.
26. Lynch M. J. A primer in radical criminology / M.J. Lynch, W.B. Groves. – New York: Harrow and Heston, 1986.
27. Sims B.A. Crime, punishment and the american dream: Toward a Marxist integration / B.A. Sims // Journal of research in crime and delinquency. – 1997. – Vol.34. – №1. – P.5-24.

Author

Galieva Svetlana Ibragimovna, Associate Professor, Kazan National Research Technological University, Institute of Innovations Management, Department of Innovative Entrepreneurship, Law and Financial Management.

E-mail: minnisagali@rambler.ru